

Алексей Макаров

НЕЛЬСОН

Морские рассказы

Алексей Макаров

Нельсон. Морские рассказы

«Издательские решения»

Макаров А. В.

Нельсон. Морские рассказы / А. В. Макаров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900852-7

На каждом судне есть судовые механики. Их труд для постороннего взгляда незаметен. Их работа тяжела и неблагодарна. Находясь в машинном отделении, они остаются в стороне от общего внимания. Но и им присущи чувства обычных людей, особенно острые в море, в оторванности от дома, жён, детей и родителей. В первой книге из серии «Жизнь судового механика» рассказывается о работе механика и всех переживаниях, которые коснулись в какой-то степени и самого автора. Все совпадения имён и событий случайны.

ISBN 978-5-44-900852-7

© Макаров А. В.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Нельсон	7
«Lady Bella»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Нельсон Морские рассказы

Алексей Владимирович Макаров

© Алексей Владимирович Макаров, 2017

ISBN 978-5-4490-0852-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

В первой книге «Морских рассказов» автор коснулся необычной для читателя темы.

Эта тема для сухопутного человека немного чужда. Потому что не каждому человеку приходится проводить дни и месяцы, а иногда и годы, в открытом море, подвергаясь воздействию стихии, с которой человек ещё до сих пор не может справиться.

Для большинства читателей море – это место для отдыха и развлечений.

А для некоторой категории людей – это суровый труд. От результатов этого труда многое зависит.

Для хозяина судна – целостность судна. Для фрахтователя – бесперебойная доставка грузов. А для самих моряков – успешное возвращение домой.

А самое главное – это жизнь моряков, а сохранность её и объединяет их всех в одно целое. Безопасность её, в какой-то степени, обеспечивают судовые механики.

Их труд незаметен. Судно вовремя пришло в порт – заслуга механика. Его за это никто не похвалит и не ободрит. Это просто его работа. Для этого и существует на судах должность судового механика, чтобы всё было безопасно и исправно.

Судно задержалось в рейсе или, не дай бог, потерпело аварию – виноват механик. И тогда его взгреют по полной программе.

На море нет национальностей, которые порой разделяют многие государства. На море есть только одна национальность – это моряки. Они в любой ситуации протянут друг другу руку помощи и поделятся последней рубашкой.

В некоторых рассказах этой серии книг автор описывает события от первого лица. Но это только оттого, что автору было легче вжиться в образ героя очередного рассказа и ярче представить себе все события, которые были рассказаны автору его друзьями и знакомыми.

Да, отчасти это так и было. Но многое из того, что описано в «Морских рассказах», – это обычная морская жизнь, эпизоды которой, хотя и рассказаны от первого лица, произошли не только с самим автором, а и со многими его друзьями и знакомыми. Пусть они простят автора этих рассказов, что он их истории передал от своего имени.

Автор очень рад, что вы прочли эти строки. Значит, вам не всё так безразлично в этом мире.

*С уважением ко всем морякам и их семьям,
Алексей Макаров.*

Нельсон

Да, этот рейс для меня выдался одним из самых тяжёлых, которые, наверное, были в моей жизни. Я чувствовал себя полностью вымотанным. Иногда возникало такое ощущение, что я был как отжатая тряпка. Меня оставалось только повесить на ветру, и я бы болтался на этом ветру без сопротивления и сушился.

Вот и сейчас «Кристина О» ошвартовалась в порту Ватерфорд. От устья реки до самого порта надо было идти ещё полтора часа вверх по течению. Иной раз я выходил из машинного отделения и вместе с Кразимиром, нашим поваром, смотрел на берега реки, перекидываясь незначительными фразами о том, как изменился облик окружающих холмов по сравнению с зимними пейзажами.

С тех пор, как я в декабре месяце приехал на судно, и по сегодняшний день рейс так и оставался неизменным: Авенмаус – Ватерфорд. И вот в этом Ватерфорде сейчас опять стоит ошвартованная «Кристина О». Я сидел в ЦПУ и ждал команды об окончании швартовки. Наконец-то я получил команду с мостика: «Отбой».

Как всегда, Володя, наш новый капитан, он приехал из Питера, бодрым голосом командовал:

– Ну что! Машине отбой. Выводи главный. Приготовь всё к стояночному режиму. Продолжительность стоянки – неизвестна.

Я приподнялся с кресла, подтвердил принятие отбоя и пошёл останавливать насосы, обеспечивающие ходовой режим.

Поставил главный двигатель на обогрев, дождался, пока компрессор подкачает воздух в баллоны. Убедился, что котёл запустился в автоматическом режиме. И всё. Я могу спокойно покинуть машинное отделение. Контроль над работой механизмов в моё отсутствие будет осуществляться автоматикой.

В машине уже делать было нечего. Я поднялся в ЦПУ. Сел в своё знаменитое кресло и закурил. Немного передохнул, поднялся на две палубы выше и вышел на главную палубу.

Судно стояло у причала контейнерного терминала. Он был весь полностью огорожен колючей проволокой, только вдоль причальной линии можно было выйти за пределы этого терминала. Все контейнеры стояли внутри этой колючки.

Я посмотрел на небо. Погода была чисто английская. Низкие облака, из которых временами сыпал мелкий и противный дождик. Над гребнями ближайших холмов висел туман. Такая хмарь, что она как раз была под стать моему паскудному настроению. На душе было мутно. Всё вокруг уже настолько опротивело, что я не знал, куда бы себя деть.

Но тут с мостика, грохоча по трапам рабочими ботинками, спустился Володя. Он, как обычно, был весел и доволен.

– Что не весел? – походя спрашивает он меня.

А я, понимая, что вопрос задан просто так, для проформы, пропыхтел:

– А что тут веселиться? Встали и ждём неизвестно чего.

Но он, так же бодро и весело, скалясь своей белозубой улыбкой, ответил:

– Сегодня никаких грузовых операций не будет. Суббота! Так что ждём понедельника. Он-то нам точно принесёт какие-нибудь новости.

«Вот и слава богу, – подумал я, – хоть этой ночью можно будет поспать спокойно в своей кровати».

Я посмотрел на Володю. А он уже и забыл, что только что говорил мне. У него уже были какие-то свои мысли.

Мы с ним прошли на противоположный борт. Встали, опёрлись о планширь фальш-борта и стали тупо глядеть на серую воду реки, по которой только что подошли к причалу.

На противоположном берегу виднелись какие-то разрушенные старинные строения, около которых плавали лебеди. Полубовались на этих лебедях. Всё-таки какая это грациозная птица.

Немного помолчав, говорю Володе:

– Пойду я прогуляюсь по берегу. Тоска меня заела.

Он понимающе посмотрел на меня и говорит:

– Пошёл бы и я с тобой тоже погулять. Но есть и другие дела. Ладно, иди один, а я займусь бумагами, чтобы хоть вечером немножко отдохнуть. Ты там с прогулкой не очень-то задерживайся. Я заказал агенту пузырьёк. Он скоро его привезёт. А филины уже готовят барбекю. Так что посидим здесь под тентом, пропустим по надцать граммук на зуб, – так же скажась и улыбаясь, проинформировал он меня.

– Спасибо. Попробую не опоздать, – уже веселее ответил я и двинулся к трапу.

Филиппинцы как раз только что закрепили трап, по нему я и сошёл на причал контейнерного терминала.

Я вышел на причал, прошёл мимо колючки, затем вдоль старинных полуразрушенных строений. По всей видимости, это были когда-то очень хорошие дома состоятельных людей. Им, может быть, было лет по 200—300. А сейчас от них остались только стены. Межэтажных перекрытий и крыш уже давным-давно у них не было. Внутри стен были только заросли крапивы, чертополоха – и больше ничего.

Я прошёл вдоль них и вышел на дорогу, ведущую к трассе, по которой ездили грузовики с полными и пустыми контейнерами. Но сегодня вечером, в субботу, машин не было. Ворота, как и прежде, были открыты. Только за стеклом будки была видна голова охранника. Он позволительно махнул мне рукой, и я тихонечко пошёл вперёд.

Куда? Не знаю. Я ещё не ходил по этой дороге, просто на карте видел, что до трассы тут было где-то с километр. Подумалось: «Пройдусь до этой трассы. А там посмотрим, что делать дальше».

Окрестности тут я исходил ещё в начале весны. За старинными остатками домов был парк. Его, наверное, посадил прежний владелец. Я не думал, что он и сейчас жив, потому что некоторым деревьям этого парка было далеко за пятьдесят лет, а то и более. Он был весь заросший и неухоженный. Деревья в нём были, на мой взгляд, привезены из многих стран мира, в которых побывал их прежний владелец. Когда я бродил по зарослям этого запущенного парка, то иногда создавалось впечатление, что я и на самом деле находился в каком-то девственном лесу – настолько были переплетены лианы, кое-где росли пальмы, а иногда на лужайке встречались группки яблочных и грушевых деревьев.

Но когда окрестности парка закончились, я вышел к полянке, покрытой нежной зелёной травой, за которой стоял солидный особняк современного типа. Когда я прошёл вдоль него, то вышел на асфальтированную дорогу, которая и вела к порту. Тогда моё путешествие по окрестностям порта так и закончилось.

А сейчас кое-где вдоль дорожного полотна росли только цветочки. Они то тут, то там пробивались сквозь густую траву.

За воротами порта сразу начинались поля и луга для выпаса животных. Все они были огорожены естественными насаждениями – терновником.

Терновник был высажен по периметру всех этих полей и лугов. И сейчас он цвёл нежно-жёлтыми цветами. Издали посмотрев на них, можно было подумать: «Какое это нежное растение, так похожее на женщину».

Но когда подойдешь ближе к нему и присмотришься к этим цветам, то поражаешься. А и в самом деле – женщина. За невинностью и нежной красотой ярко-жёлтых цветов тебя подстерегала опасность. Изнутри, из-за каждого цветка, торчали громадные шипы.

Да! Через этот естественный забор из терновника вряд ли бы кто пробрался. Только внизу, где ветки немного не доходили до земли, можно было пролезть ползком, да и то не человеку, а мелкому животному.

Я шёл не спеша, глядя на зелёные луга и цветущий терновник. Дождь перестал. Я даже сложил зонтик и с удовольствием вдыхал тёплый влажный воздух, пропитанный запахом разнотравий. Луга все зелёные. В просветах естественного забора было видно, что то тут, то там на них лежат коровы, вяло жующие свою жвачку, а кто-то из них там и пасся. На других лугах паслись овцы.

Но тут я остановился: мне показалось, что под терновником что-то шевелится. И точно: откуда-то из-под кустов выскочил заяц. Я застыл как вкопанный. Заяц пошевелил ушами, повертел головой и вернулся обратно на луг, проскользнув под нижними ветками терновника. Вероятно, там травка была вкуснее. Заяц сделал вид, что не заметил меня, или просто меня не боялся. А я, в свою очередь, не хотел тревожить его.

Слева от меня были уже распаханые поля, что-то на них было уже посажено. Я перешёл дорогу, чтобы посмотреть на пашню. А и в самом деле, что-то было посажено на них. Или мне это только показалось. На свежей пахоте были видны цепочки заячьих следов. Кто-то из этих длинноухих, наверное, пересекал дорогу, чтобы побегать и поноситься по этим полям, а потом вернулся обратно на правую сторону дороги, на луга.

Дорога шла немного вверх. Я не спеша продолжал свой путь. Опять заморосило. Но это уже был не дождь. Воздух был настолько пропитан влагой, что мельчайшие её капельки так и висели вокруг в атмосфере. Комбинезон на мне был довольно-таки тёплый. Как я был в нём в машинном отделении, так и вышел с судна, не переодеваясь. В рабочих ботинках, в бейсболке, которыми нас снабжали бензовозы, и с зонтиком под мышкой.

У водителей этих бензовозов всегда можно было выпросить пару кепок, кружку для чая, какой-нибудь проспект, ручки – всякую мелочь, которую им давали то ли для рекламы, то ли просто она у них валялась в машинах. Эти бензовозы бункеровали нас раз в месяц дизельным топливом. Иной раз интересно было болтать с водителями этих бензовозов. Мужики они были самые простые и обыкновенные. Без всяких выкрутасов. Поэтому мы свободно говорили о политике, о личных переживаниях, о жизни страны. Ну, вообще обо всём, что придёт на ум во время непродолжительной бункеровки.

Так что, идя вдоль дороги, я не чувствовал ни холода, ни мороси. Ничего. Просто шёл и ни о чём не думал. Был такой дефицит тишины, и теперь вот эта тишина сегодня была только вокруг меня. Меня радовало, что вокруг не было ни проходящих машин, ничего. Я остановился, присел на придорожный столбик, который, не знаю для чего, тут торчал у обочины. Потому что обычные километровые столбы (здесь они отмеряли мили) стояли чуть поодаль.

Это был просто какой-то столбик. Ну просто столбик. Но он оказался такой удобный, что я сел на него и закурил. Я сидел и смотрел по сторонам, выпуская дым от ароматной сигареты.

Вокруг были благословенная тишина и спокойствие. Душа как будто стала оттаивать. Я затушил окурок, поднялся и пошёл дальше. Слышался только хруст гравия на обочине дороги под моими башмаками.

Я шёл, шёл и шёл. Ни о чём не думая, только наслаждаясь долгожданной тишиной и свежестью пахучего воздуха. Впереди уже стала прослушиваться трасса. Оттуда нёсся гул проезжающих автомобилей. Пора было поворачивать назад. Не хотелось вновь возвращаться в цивилизацию. Хотелось хоть немного, но оттянуть встречу с ней.

И вдруг! Или мне показалось, или это было явью, но как будто сбоку от меня, чуть правее и сзади, раздался голос:

– Ой!

У меня пронеслась мысль: «Что за хрень такая?» Но голос и в самом деле слышался сзади:

– Ой-ой-ой!

Ну, думаю, ничего себе! Что же это такое? Я оглянулся по сторонам – никого нет.

Подумалось: «Вот это да! Это точно крыша у меня уже едет». Как у нас говаривал молодой старпом Валерка: «Тихо шифером шурша, крыша едет не спеша».

Вот я и подумал, что не спеша-то вот она у меня и съезжает. Но я всё равно осмотрелся. Что же это было такое? Вокруг – никого. По-прежнему всё было так же тихо и спокойно. Я ничего не понял и попытался продолжить свой путь.

Но только я сделал шаг, как вновь раздалось:

– Ой! Ой!

Я вновь остановился в недоумении. Странно. Что это было за «оё-ёй»? Я ещё раз осмотрелся. Под ногами – ничего. Вдоль дороги, ни спереди, ни сзади, никого не было.

Потом я стал осматривать придорожные кусты терновника. Пригляделся к зелени кустов – и среди жёлтых цветков одного из кустов терновника, на его колючках, я увидел небольшого жёлтого мишутку. Он был такого же жёлтого цвета, как и цветы терновника. И поэтому его сразу-то и невозможно было разглядеть. Он почти сливался с жёлтым фоном цветочных кустов.

Откуда он здесь мог взяться? Я, перепрыгнув через канаву, отделявшую трассу от кустарника, подошёл к этому кусту. Потом с удивлением посмотрел на него.

Мишутка весело улыбался, протягивая ко мне свои лапки. Я посмотрел на свою находку и полушутя спрашиваю его:

– Чего кричишь?

А он, как будто в ответ, кивнул головой и махнул мне лапкой.

Я не понял, что это такое. Явь это или глюки.

Протёр глаза. Посмотрел на этого странного незнакомца. Не верилось – слышал я его голос или нет. Правда это, что со мной происходит, или нет? Разговаривает этот зверь со мной, или это уже у меня в голове точно что-то шуршит?

Но всё-таки мишка был, и он действительно застрял в иголках куста терновника, ветви которого под воздействием ветра слегка шевелились.

Он сидел на иголках. Он не упал, когда кто-то его, видимо, выкинул из машины. Но мишка не упал на землю, он просто задержался на иголках терновника. Я протянул к нему руку и взял его. Непроизвольно подумалось: «Вот это да! Если кому рассказать, то не поверят же».

О, какой он был красивенький и хорошенький. Он был только весь мокрый, но так же весело улыбался. Глазки у него были такие весёлые и довольные, что настроение у меня само собой приподнялось.

Я взял его в руки и стал разглядывать. Говорю ему:

– Привет.

А он, как будто в ответ, снова махнул мне лапкой, и с его стороны произвольно вырвалось:

– Привет-привет.

Что? Он и в самом деле со мной разговаривает? Да и пусть говорит, значит, с кем-то на самом деле можно будет поговорить в трудную минуту. Я снял его с колючек терновника и принялся рассматривать.

Это был жёлтый мишутка, совсем продрогший от напитавшейся влаги. Я отряхнул его от капель дождя и положил к себе на грудь, под комбинезон. Пусть согреется. А он и в самом деле был холодный и мокрый.

Почувствовав, что он в верных руках, мишутка замолк.

Я перепрыгнул обратно через канаву. Не хотелось мне идти на эту трассу, туда, где гудели автомобили. Заглянул за отворот комбинезона и посмотрел в глаза спасённого мишутки. Смотрю, а у него сбоку прицеплена какая-то бирочка с надписью. Я надел очки, чтобы прочесть, что же на ней написано. И прочёл: «Нельсон».

– Ха! Так тебя что, Нельсоном зовут, что ли? – удивлённо спросил я его. Мишутка в ответ как будто бы даже подмигнул мне.

Непроизвольно подумалось: вот это да!

– Ну и нормально! Привет, Нельсон, – погладил я его по мокрой головке. – Пошли назад, будем вместе куковать на нашей «Кристине». Будешь жить у меня, я тебя отопрею, я тебя высушу, и ты будешь жить у меня в тепле. Будешь говорить мне хорошие слова. Утром будешь говорить «Доброе утро!» – вечером будешь говорить «Спокойной ночи!». Давай будем друзьями?

Мишка как будто бы соглашался со мной, и мне даже показалось, что он опять подмигнул мне, или утвердительно кивнул головой.

Интересно. Какой ты хороший! Какой ты замечательный!

Я вновь засунул его себе под комбинезон, но уже во внутренний карман, повернулся и пошёл обратно к порту. Думаю: «Вот это да! Надо же! Или мне это кажется, или он и вправду со мной разговаривает? Не понимаю».

Но тут же вспомнился случай, который у меня был на «Бурханове». Судно было поставлено на линию из Владивостока в Сиэтл. В Сиэтл мы уже сходили два раза. Ходили с погрузкой и выгрузкой в Магадане. Продолжительность рейса была полтора месяца. В Сиэтле я познакомился с одним мужичком, бывшим стармехом из Приморского пароходства по фамилии Зайцев. Он жил там с молодой женой и пятилетней дочкой Машей. И он как-то обратился ко мне:

– Ты не будешь против, если на стоянке во Владивостоке к тебе на «Бурханов» придёт мой сын? Я с молодой женой уехал впопыхах, убегая от прежней жены, и все свои вещи оставил в Находке. Он привезёт тебе несколько ящиков с моими личными вещами. Возьми их с собой, а я у тебя их тут, в Сиэтле, заберу. Если, конечно, тебя это не затруднит, – неуверенно попросил он меня.

– Не затруднит, если там бомбы не будет, – полушутя пообещал я ему.

– Хорошо. Значит, я звоню сыну? – обрадовался Юра.

И когда мы пришли во Владивосток, в один из вечеров на борт судна приходит парень и говорит:

– Я – сын Зайцева, и я вам привёз ящики для папы.

– Хорошо, а что же ты предварительно не позвонил мне и не сказал ничего? – было уже поздно, и я с семьёй уже собирался ехать домой.

Но он, несмотря на то, что в каюте были жена и дети, напомнил мне:

– Папа мне сказал, что я могу здесь отдать вам его вещи.

Деваться было некуда, ведь мы находились уже в порту под выгрузкой и на завтра был назначен отход.

– Хорошо, – нехотя согласился я, – давай, тащи сюда свои ящики.

Так он притащил не несколько, а пятнадцать штук огромных ящиков из-под яблок. Наверное, там было по двадцать четыре килограмма в каждом ящике. Здоровенные и тяжёлые оказались эти ящики. Он, со своим другом, под моим руководством забил ими всю ванную комнату. И плюс к тому же было ещё два свёрнутых ковра.

Господи, думаю, вот это да, вот это я влетел. Что мне теперь с этими вещами делать? Потом думаю: да ладно, может быть, пронесёт.

Во время того отхода таможня во Владивостоке особо нас не трясла. Семён Иванович умер, и никто такими ловкими пальцами не лез в карманы пиджаков, чтобы оттуда достать один рубль или лотерейный билет за тридцать копеек, которые могли бы серьёзно подорвать экономику СССР. А после обнаружения этого преступления несчастного морячка, который по пьяни забыл вынуть из кармана советское достояние, лишали визы и возможности совершать заграничные рейсы.

Мы же стояли на линии. Возить ни в Америку, ни из Америки было особенно нечего. Это же не японская линия, когда оттуда сейчас прут всяческое барахло, машины и всё остальное к ним в придачу.

Так оно и вышло. Никто особо нас не досматривал. По каютам таможенники не ходили. Мы заполнили декларации, принесли их в столовую, где, как обычно, их собирали при отходах. Этим дело и закончилось. Всё. Так и отошли из Владивостока.

Ну, отошли и отошли. Обычно я с утра ухожу в машинное отделение на работу, возвращаюсь в обед, после обеда опять пропадаю в машине. Вечером смотрю какой-нибудь фильм по видику и ложусь спать. Такой был режим работы и отдыха в течение рейса.

Но где-то дня через четыре просыпаюсь ночью от того, что кто-то кукарекает. Странно, интересно, думаю: «Вот это да! Что у меня, крыша едет, или я дурак какой-то?»

Я обошёл и осмотрел всё в каюте. Кукареканье раздавалось откуда-то из туалета. Там не было видно, откуда это нечто кукарекает. Потому что уложенные ящики стопками стояли чуть ли не до подволока. Думаю – мне это кажется. Положил голову на подушку, заснул – и всё. Больше не слышал кукареканья.

На следующую ночь произошло то же самое. А каждый день, приближаясь к Америке, мы переводили часы – один час через два дня. Получается, что первый раз оно закукарекало в пять утра, потом в шесть утра, потом в семь утра.

А из Владивостока в Сиэтл с нами решил проехаться корреспондент одной из американских газет. То ли сан-францисской газеты, то ли сиэтловской. Он неплохо говорил по-русски.

По-английски я тоже тренировался, особенно сейчас, потому что в рейс с нами пошла Галина Степановна – преподаватель английского языка.

Как она нас всех дрючила, бедных и несчастных!

Она вычисляла, где только мы можем находиться, ловила нас, и минимум два часа мы проводили в её твёрдых, жёстких объятиях преподавателя английского языка. Из этих тисков уже невозможно было никуда вывернуться. Галина Степановна скручивала из нас верёвки и вбивала в нас этот английский язык со страшной силой «П» нулевое, невзирая на ранги и должности.

А тут ещё и американец был. Так что те знания, которые вбила в нас Галина Степановна, мы понемножку применяли к этому американцу. С носителем языка велись различные разговоры на всевозможные темы. Ох и любопытный был этот корреспондентик. Иногда использовались слова и выражения, которые Галина Степановна вбивала в нас кувалдой. После этого они залегали в памяти глубоко и надолго.

И вот как-то утром, когда я проснулся от очередного кукареканья, я поднялся на мостик. Увидев на мостике американца, тупо уставившегося в лобовое стекло, я подошёл к нему.

Судно было основательное, ледового класса, мощное. Моряки эти суда между собой называли «морковками». Оно имело два мощнейших дизеля. Но мы пока шли только на одном, чтобы было экономичнее.

Приближались к Алеутам. Штормило, было пять-шесть баллов, но качки практически не ощущалось из-за солидных размеров нашего судна. Длинной оно было около 180 метров.

Не выдержав тишины мостика, я обратился к корреспонденту:

– Майкл, вы живете в каюте прямо надо мной. Я – старший механик, если вы помните.

Тот утвердительно кивнул головой. Мы уже с ним неоднократно вели различные беседы на различные темы, в которых то он поправлял мой английский, то я – его русский.

Поэтому, убедившись, что он меня понимает и слушает, я продолжал:

– Вас по ночам ничего не тревожит?

Он с удивлением приподнял брови.

– Потому что расположение вашей каюты примерно такое же, как и моей, – продолжал я. – И туалет, и ванная комната у вас находятся там же, где и у меня.

– Правда? А я и не знал об этом. Значит, мы по-настоящему соседи? – он изобразил искусственную улыбку на лице.

– Конечно соседи, – не обращая внимания на его эмоции, продолжал я, – даже и вентиляция из туалета и ванной у нас с вами одна. Так я вот о чём хочу спросить тебя, – мялся я: как бы корректнее задать свой вопрос? – Из вентиляции у тебя кукареканья не слышно?

Корреспондент широко открыл глаза, и они у него округлились до состояния бейсбольного мяча. Он посмотрел на меня с удивлением:

– Нет, ты знаешь, у меня в туалете ничего не кукарекает, может быть, тебе это послышалось?

– Да нет, – пожал я плечами, – ночью, то ли в четыре, то ли в пять часов, там что-то начинает кукарекать.

– Нет, – решительно, по-русски отмел он все мои сомнения, – у меня в туалете ничего не кукарекает.

Когда я узнал, что у него ничего в каюте не кукарекает, я вернулся к себе. Через полчаса забегает ко мне капитан:

– Дед, ты что, совсем сдурел, что ли! Ты что к этому американцу пристал? Он вообще думает, что у тебя крыша поехала, потому что у тебя там где-то ночью что-то кукарекает.

– Ты знаешь, Владимир Иванович, а оно и в самом деле кукарекает, – попытался я объяснить ситуацию возбуждённому капитану.

– Да не может быть, чтобы кукарекало, – напирал он на меня.

– Хорошо, – я поднял перед собой ладонь, чтобы успокоить возбуждённость капитана, – тогда я приглашаю тебя на концерт этого кукареканья, – а потом уже спокойнее добавил, – давай, приходи, посидим, послушаем. Ну, часика через полтора и приходи, – я посмотрел на часы. – Придешь? – я вновь вопросительно глянул в его возмущённые глаза.

Капитан, немного успокоившись от моих заверений, развернулся и вышел из каюты.

Он и точно пришёл в назначенное время.

Я заварил свежий чай, разлил его по фарфоровым чашкам, и мы сели, чтобы расслабиться.

Сидим, пьём чай, курим и ждём. Я искоса всё время поглядывал на безмятежного капитана.

Но вдруг на самом деле послышалось: «Кукареку!»

После первого «кукареку» капитан подозрительно посмотрел на меня, но ничего не сказал.

Но кукареканье продолжалось с назойливой настойчивостью.

А я, поглядывая на него с ехидцей, спрашиваю:

– Ну и что? Кукарекает? Слышишь?

– Точно! Кукарекает, – озадаченно говорит он, почесав в ухе пальцем. – Думал сначала, что показалось. А оно и в самом деле кукарекает. А где оно у тебя кукарекает? – он уже с любопытством посмотрел на меня.

Хмыкнув, я указал ему на спальню:

– Да вон там – за спальней.

А из спальни дверь идет в ванную комнату. Сейчас дверь туда была открыта. Ванная комната была огромной. Там находились ванна, туалет, и ещё там можно было бы и в футбол поиграть. Места было достаточно.

Капитан зашёл в ванную и остолбенел – там ведь всё было забито ящиками.

– Откуда ящики?!

– Зайцев попросил.

– Ты что, дурак, что ли?! Если бы ты влетел с этими ящиками во Владивостоке, когда таможня нас проверяла, пароход был бы арестован! Ты что натворил?!

– Но ничего же не случилось... – попытался оправдаться я.

– Это тебе просто повезло. Да! Вот это ты учудил, – его возмущению не было предела.

Он сел в кресло, немного передохнул, чтобы сбросить эмоции, и продолжал:

– Ну и дурак же ты, дед! Ёлки-палки, вот это же надо!.. Как это можно! Ты же всё судно подставил бы из-за этого Зайцева!

Потом он немного успокоился и, поглядев на пирамиду ящиков, предположил:

– Может быть, в каком-то из этих ящиков что-то и кукарекает?

– Да я вроде бы перебирал их – и ничего не нашёл, – оправдывался я.

Но кукареканье несло именно откуда-то с той стороны. Из ванной комнаты.

Капитан быстро поднялся с кресла и чуть ли не бегом проследовал в ванную комнату. А там начал простукивать и переворачивать эти злосчастные ящики.

«Бац, бац, бац – ниже-ниже...» – стучал он по ящикам.

– Да! Вот он, – радостно вытащил он из кучи один из них, – вот из этого ящика у тебя и кукарекает.

И в самом деле! Я прислушался к этому ящику. Точно! Этот ящик и кукарекал.

– Да. Там, наверное, находится сингапурский будильник. Кто-то нажал кнопку на нём при погрузке – и он поэтому и кукарекает, – предположил капитан.

– Да ты что?! – я был ошарашен простотой такого решения.

Вытащили мы этот ящик, отнесли его в дальнюю кладовку и оставили там. До конца рейса я так его больше и не трогал. Не заходил в ту кладовку, но кукареканье в каюте прекратилось.

А когда Зайцев пришел в Сиэтле к нам на борт, я его с интересом спросил:

– Что это у тебя в ящике там кукарекает?

– Да, ёлки-палки, это моя жена, наверное, будильник положила туда, клавишу на нём нажала – вот он и кукарекает.

Он долго смеялся над моим рассказом и изумлением американского журналиста.

Капитан, слегка успокоившись после моего рассказа, немного охолонил нас:

– Одно только нормально, что у тебя с башкой всё в порядке и крыша у тебя не съехала. Это доказывает, что ты ещё не чокнулся, хоть и в рейсе находишься больше полугода, и перед любым судом можешь находиться в полном здравии.

И потом рассказал нам, что этот корреспондент пришёл к нему очень озабоченный:

– «С вашим стармехом проблемы – у него кукареканье в голове слышно», – со смехом рассказывал нам капитан. – «А по нашим законам, если моряк находится в море больше четырёх месяцев, то этому человеку нужно отдыхать. А вы уже больше полугода в рейсе. Обратитесь в компанию, чтобы ему срочно предоставили отдых. А то его ни один суд не возьмёт свидетелем в случае любого инцидента».

Капитан тогда успокоил журналиста: «Всё нормально, не переживай. Мы уже нашли, где у него в каюте кукарекает, и устранили причину. Теперь у него в каюте нет проблем, и он ночами спит спокойно».

Но корреспондент не успокоился и перед подходом к Сиэтлу, застав меня вновь на мостике, спросил:

– У вас больше ничего не кукарекает в каюте?

– Да нет, мы нашли этот ящик, из которого несло кукареканье, там был будильник.

Тогда корреспондент посмеялся и говорит:

– Да, это был один из морских анекдотов. Я, может быть, опишу его в своей хронике.

И вот, пока я гулял с Нельсоном, этот случай непроизвольно вспомнился мне. Но тут я уже говорю сам себе:

– Но чтобы медвежонок разговаривал со мной, и я это слышу – странно.

Когда я вернулся к себе на «Крестину», никого, конечно, у трапа не было. Следов вечернего отдыха под тентом не наблюдалось. Матрос, филиппок, сидел где-то в каюте. Ужин я прогулял. Кразимир, наш повар, оставил мне кое-что покушать. Я залез в холодильник, сделал себе бутерброд и разогрел в микроволновке ужин. Поужинал и поднялся в каюту.

Посадил на иллюминатор Нельсона со словами:

– Ну, Нельсон, всё. Теперь мы будем вместе с тобой путешествовать. Будем вместе работать. Теперь ты будешь моим товарищем. Постарайся всегда создавать мне хорошее настроение. Ты согласен?

Нельсон как будто вдруг моргнул глазами и кивнул головой: «Да, согласен», – вот тут у меня и в самом деле непроизвольно мурашки пошли по спине и непроизвольно вырвалось:

– Вот это да!

Я снял комбинезон, принял душ и лёг в кровать. Наверное, это был один из тех редких случаев за последние почти пять месяцев, когда я ложился раздетым в постель.

Обычно я спал, не раздеваясь, на диванчике или в своём знаменитом кресле в ЦПУ.

Первый месяц на «Крестине» был для меня полным кошмаром. Комбинезон я вообще не снимал. Спал, где придётся. Комбинезоны я просто менял. Один на мне, другой стирается, а остальные сушатся. Как-то раз старпом Валерка заскочил в ЦПУ и, увидев меня, скорчившегося на стульчике за столом, предложил:

– Дед! А не сделать ли нам для тебя достойное лежбище?

Я был не против его предложения.

– Но как это сделать? – я был немного озадачен его вопросом.

– Не переживай. Всё сделаем быстро, – Валеркин энтузиазм меня всегда поражал.

При первой же стоянке в Авенмаусе Валерка попросил Майкла, чтобы тот отвёз его на ближайшую автомобильную разделку.

Майкл – пенсионер. Ему далеко за семьдесят. Он одинок и скрашивает свою жизнь тем, что ходит по судам и помогает морякам. Просто так, от души. Помогает, и всё. Я ему иной раз наливаю, за его доброту душевную, по паре канистр дизельного топлива, которым Майкл заправляет свой «Лэндровер». Денег у Майкла достаточно, и поэтому и машина у него очень даже приличная. Но он немного экономит на топливе. Ну и что? Пусть, если ему так хочется. Меня этой дизелькой раз в месяц регулярно заправляют по сорок тонн. Так что сорок литров для Майкла всегда находится. Зато ни у меня, ни у матросов никогда не возникает про-

блем с посещением берега. Майкл даже возит капитана и Кразимира раз в месяц в супермаркет за продуктами. Хозяин экономит на шипчандлере – так его в какой-то степени заменяет Майкл.

Майкл отвёз нас на разделку, на которой мы за несколько часов отыскивали пару шикарных автомобильных кресел. Хозяин разделки, конечно же, не бесплатно, но по божеской цене, отдал нам эти кресла и привёз нас с ними обратно на судно.

У Валерки появилось занятие. Он несколько вечеров пилил и строгал постаменты для этих кресел. Одно из них было установлено на мостике, а другое – у меня в ЦПУ.

Кресло и в самом деле было шикарное. Оно крутилось на триста шестьдесят градусов, регулировалось и по высоте, и по ширине. Его можно было поддуть и отрегулировать наклон спинки и подголовника. А можно было просто разложить, как кровать. Вот тут-то и наступили мои блаженные вахты. Можно было полностью разложить кресло и спать, спать и спать, находясь, как и прежде, в ЦПУ.

Иной раз Кразимир приносил мне еду прямо в ЦПУ, так как покинуть его не было никакой возможности во время длительных отходов из Авенмауса или подходов к Ватерфорду. Видя, как я от усталости мирно сплю в таком кресле, он не будил меня, а оставлял тарелки с едой на столе.

А что может сделать один человек в машинном отделении?

Вход в Авенмаус – до двенадцати часов, выход – до восьми часов, переход – восемь часов и вход в Ватерфорд – восемь часов. Стоянка в Ватерфорде – десять часов, и вновь отход.

Когда поспать? Когда отдохнуть? Только механически совершаешь какие-либо действия, интуитивно наработанные тобой за много лет. Или от усталости валишься на кресло. Про пойти в каюту и поспать там, на кровати, приходилось просто забыть.

Из-за постоянных отходов и приходов я вынужден был большую часть времени проводить в машинном отделении, где осуществлял все пуски механизмов и постоянно контролировал и обслуживал их.

В машине я был один. У меня не было ни моториста, ни механика, ни электрика. Всё приходилось делать самому. Самому и мыть, и красить, и заниматься ремонтом. Так что в моём машинном отделении можно было ходить по плитам и без обуви, просто в носках, не боясь испачкать их. Такая у меня была чистота. Хозяин после двух месяцев моей работы, увидев такую чистоту, даже поднял мне оклад почти на двести долларов.

Но бывали и грязные работы, после которых приходилось всё заново перемывать. А если нужно было произвести какой-либо ремонт, то мне помогали или старпом, или Ромио.

Ромио работал со мной на предыдущем моём судне, балкере. Длина того балкера была двести пятьдесят метров. Не чета этой «Кристине» в сто метров и осадкой в четыре метра.

А если были ночные отходы из Авенмауса, да ещё и во время прилива, то моё нахождение в ЦПУ продлевалось часов на шесть. Потому что отливы и приливы в Бристольском заливе достигают девяти метров. А против прилива «Кристина» ползла по девять узлов, вместо девятнадцати по отливу.

А если ночью на ходу срабатывала какая-нибудь сигнализация, а я в это время находился в каюте, то приходилось стремглав лететь в машину для выявления и устранения причин срабатывания сигнализации.

Поэтому-то я и находился большую часть суток в ЦПУ, и мне приходилось возлежать в этом знаменитом кресле в ЦПУ, а не в каюте. Я был очень благодарен Валерке за его заботу обо мне.

А тут – в кровати, на свежих простынях, – я моментально уснул, как будто провалился в глубокую и тёмную яму. Только услышал утром, сквозь сон, что звонит будильник. Я поднялся, встал, протёр глаза и пошёл умываться. Нельсон так же, улыбаясь, сидел на иллюминаторе. Я помахал ему рукой и сказал:

– Привет, Нельсон! Как дела?

Он как будто меня понял – и стал улыбаться ещё шире. Улыбка его была всё такой же, как и прежде, веселой и обаятельной.

До конца контракта оставалось почти два месяца. В зависимости от того, как наше круинговое агентство пошлёт мне замену. Надо собрать оставшиеся силы и продержаться всё это время.

Тяжело давался мне этот рейс. Ой, как тяжело. Я согласился пойти на него только из-за Алёши, своего старшего сына. У него были проблемы. Он связался с какой-то нехорошей компанией, влез в какие-то дела. Я еле-еле его выпутал из одной сложной истории. И его мать упростила меня, чтобы я взял его с собой в рейс.

Я и так уже собирался в декабре в рейс. О чём уже вёл переговоры с Питером Борчесом из Гонконга и круинговым агентством в лице его представителя.

Тогда, в ноябре, я пришёл к Наталье и говорю:

– Всё, все свои дела я уже закончил. Ты смотри за Алёшей, чтобы он никуда опять не вляпался. Чтобы опять чего-нибудь не натворил.

– Сделай хоть что-нибудь, сделай так, чтобы его устроили на работу, – слёзно молила она меня.

Тогда я пошёл в свое агентство и попросил своего агента:

– Сын у меня есть, закончил мореходку. Он с дипломом штурмана и хочет работать.

– Да, но у него и опыта-то нет никакого, – отнекивался агент.

– Да пусть хоть матросом поработает. Для работы матросом – есть у него опыт, я его брал с собой в рейс на шесть месяцев, мы ходили с ним на линии Хайфон – Сингапур, он там проявил себя замечательно, со своей самой лучшей стороны. Капитан ему даже похвальное письмо написал и в пароходство, и в мореходку. Можешь посмотреть.

– А, я помню, когда это было... – недовольно мямлил агент.

Так ему не хотелось приобретать на свою голову новые заботы.

– Если ты всё помнишь, то какие проблемы у тебя сейчас? Давай, оформляй его на работу. Пусть парень становится на ноги. Не дай ему скатиться до уровня его друзей, которые только и знают, что у бандюков быть в охране да наркотики трескать, – пытался я убедить агента.

– Пусть сначала принесёт мне свои документы, – уже пошёл на попятную агент. – Для начала ему же визу хотя бы открыть надо, сделать паспорт моряка и сделать все морские документы.

Я поехал к агенту, взяв с собой Алёшу.

– Вот он – сын мой. Вот его паспорт. Делай с ним что хочешь, но мне нужно, чтобы он был как можно быстрее готов выйти в рейс. А ты сам-то готов? – обратился я уже к Алёше, на что получил только утвердительный ответный кивок.

Он, вообще-то, и по жизни был не очень-то разговорчив.

– Я хочу позвонить Питеру Борчесу в Гонконг, – продолжал агент. – Поговорю с ним, и тогда будет известно, возьмёт он его на работу или нет. Но мы его можем взять только в ту компанию, в которой ты работаешь, потому что в других компаниях у нас перебор, своих людей навалом, очень много желающих идти работать под флагом. Просто работать, даже за те деньги, что платит эта компания, – он с пониманием посмотрел на меня.

Ну, матросу, насколько я знал, платят 800—900 долларов в месяц. Больше тысячи, по моему, сейчас не платили.

Поняв, что дело сдвинулось с мёртвой точки и агент сделает всё возможное, я поручился за сына:

– Да он и за эти деньги пойдёт. Мне надо его услатить подальше от этой компании, в которую он тут ввязался. Вытащить его из этого болота, – я многозначительно посмотрел на сына.

Хорошо, что я тогда это сделал, потому что его друзья, которые были в этой компании, почти все сели в тюрьму, стали наркоманами, а один, последний из его «друзей», наркоман, умер лет через десять от передоза. Но Лёшика это не коснулось, потому что я его, хоть и со скрипом, но вытащил оттуда.

Этим же вечером я позвонил в Гонконг Питеру Борчесу, долго ему объяснял всю создавшуюся ситуацию. В конце концов он понял всё и согласился со мной:

– Напиши мне всё это в письме и отправь его по e-mail.

Я тут же отправил ему письмо. Питер мне ответил буквально через 5—10 минут и позвонил на домашний телефон со словами:

– Я прочитал твоё письмо. Хорошо, я согласен взять его на работу. Ты как хочешь, чтобы вы работали вместе?

– Я хочу, чтобы он вместе со мной пошёл на судно и был под моим присмотром.

– Ну, не знаю, получится это или нет, но, во всяком случае, сейчас на одном судне освобождается место старшего механика и матроса. Мы попробуем это сделать. Но это будет ближе к Крисмасу.

– Я согласен на всё, я готов, – горячо подтвердил я Питеру и поблагодарил его за участие в судьбе моего сына.

Я быстренько скрутил Лёшку в охапку. Тут же, за две недели, ему сделали визу, он получил все сертификаты, но на всё это пришлось дать ему денег, чтобы он всё это прошёл побыстрее.

Перед Крисмасом компания купила билет только на меня, чтобы я ехал на судно. Для Алёши билета не было. Я был очень удивлён этим и вновь позвонил Питеру Борчесу:

– В чем дело, почему билет только мне, а не сыну?

Тот что-то замялся, говорит:

– Не переживай, я его всё равно устрою на работу.

И я поехал на эту «Кристину О» до Москвы, из Москвы – в Лондон.

Выхожу в Лондоне из самолета, тут же проверка. Таможня. Таможенник спрашивает:

– Вы зачем сюда приехали?

– У меня письмо от агента. Вот оно, – я вынул сопроводительное письмо из портфеля и показал его таможеннику. – Я приехал на судно.

– Вы на работу приехали?

– На работу по контракту, на судно.

– Понятно.

Не задавая больше лишних вопросов, он поставил мне печать в паспорт. Всё, допущен в Англию без права на работу на берегу, без права найма на работу. Я посмотрел на него, говорю:

– Хорошо.

Вышел из здания аэровокзала и осмотрелся. Первый раз в Лондоне. Куда идти, что делать дальше – не знаю. Решил позвонить агенту. Телефон агента мне дали ещё во Владивостоке. Я позвонил агенту и доложил, что я уже приехал, что я уже в Хитроу.

Сегодня уже 24 декабря, никому не нужна головная боль по устройству какого-то старшего механика, поэтому агент и отфутболивает меня:

– Садись на автобус.

– А где тут автобус? – я понятия об этом не имел. – Я первый раз в Англии. Как к нему пройти? – попытался я хоть что-то выяснить у агента.

– Перейдёшь дорогу, пойдёшь направо, там увидишь автобусную остановку. Купи себе билет до Бристоля. До Бристоля и поедешь. От Бристоля возьмёшь такси и доберёшься до Авенмауса, где и стоит твое судно. Понял? Не забудь взять чек у таксиста, который мы потом тебе оплатим. Понял? – явно чувствовалось, что агенту не до меня, но он хоть так выполнил свой долг.

– Понял, – для меня хоть что-то прояснилось, – хорошо, – и я пошёл к автобусной остановке.

Автобус отходил минут через сорок. Я обменял доллары на фунты, потому что доллары в Англии не берут, а только фунты. Поменял сразу 100 долларов. Меньше купюр у меня с собой не было. Купил за 18 фунтов билет на автобус. И у меня ещё оставалось около 50 фунтов. Сел в автобус. Хороший такой, мягкий автобус. Со мной рядом сел парень, засунул себе наушники в уши – и так два с половиной часа он и ехал с этими наушниками.

А напротив сидели две женщины. Ну, я не знаю, как про одесситок, их я видел в знаменитой Одессе. Но я впервые видел, чтобы английские женщины были такие же болтливые, как наши одесситки. Два с половиной часа они без умолку о чём-то говорили, наверное, у них был какой-то общий интерес. Они были так увлечены своим разговором, что вообще ничего не видели и не слышали вокруг.

А для меня была интересна сама дорога. Вокруг было очень влажно, туман, морось. К этому мне не привыкать. Во Владивостоке с мая по июль стоит точно такая же погода. А тут декабрь.

Интересно было то, что руль у всех машин английский, и, естественно, движение не так как у нас. Но и к этому мне не привыкать. Во Владивостоке почти все машины с правым рулём. И сам я езжу на такой же праворульной тачке. И не знаю даже, как бы я сел за руль леворульной машины... Как бы я на ней поехал? Интересные разъезды, развязки, а дорожные знаки почти не отличаются от наших. Я с интересом смотрел на дорогу, кто как кого обгоняет, какие машины тут ездят.

Во Владивостоке мы ездили только на японских машинах, с таким же рулём, поэтому особо я не был удивлён этим, но чтобы движение было таким!.. Ну, английское и есть английское движение. Хотя я и по Японии, и по Индии ездил, вернее, меня возили. Но всё равно, быть первым раз в стране и наблюдать за всем – это интересно. Обязательно найдёшь что-либо, что тебя удивит.

И вот мы так и доехали до Бристоля.

Я всегда вспоминаю тот случай, когда мы с Инной были в Одессе и спросили у одной женщины в трамвае:

– Скажите, пожалуйста, а где у вас здесь кассы, в которых можно купить билет в оперный театр?

Одесситка сразу так восторгалась:

– А зачем вам оперный театр?

– Ну, мы хотим оперу послушать, – я был немного в недоумении от такого вопроса.

– Вы хотите купить билеты в оперный театр? – уже более заинтересованно спросила эта очень аккуратно одетая женщина.

– Да, мы хотим купить билеты в оперный театр, чтобы послушать, что там в этом оперном театре у вас есть. И это всё, что мы хотим, – мне стало немного не по себе от такой заинтересованности.

– Хе, граждане, вы посмотрите, они хотят купить билеты в оперный театр... – на весь трамвай, который шёл по проспекту Красной Армии, громогласно возвестила дама. – И они хотят купить их посреди улицы Красной Армии! Доехали бы до самого театра и купили их там. Там именно, где эти билеты и продаются. Что? Так трудно доехать до этого оперного театра? Тут и пересаживаться не надо. Ехай себе да ехай.

Я умоляюще смотрю на возбуждённую одесситку и пытаюсь, ну хотя бы ненамного, снизить тембр её голоса:

– Женщина... – уже прошу я её, стараясь говорить тише. И Инна тоже просит громогласную мадам:

– Но мы же просто хотим купить билеты. Вы скажите, где это можно лучше сделать?

Я понял, что тут сейчас начнётся ужасающе странное представление. Весь трамвай начал обсуждать, где нам лучше выйти и купить билеты в этот «ёперный» театр. Тогда я взял Инну за руку, и мы выскочили из этого трамвая, так ошарашенные и обалдевшие от тех коллективных советов, которые давал нам весь трамвай и, наверное, ещё и пол-Одессы. Трамвай тронулся, но, по-моему, одесситы ещё там и дальше обсуждали, как и где лучше купить билеты в оперный театр. Я тогда сказал Инне:

– Инночка, мы тут больше так никого не будем спрашивать, потому что здесь такие люди, которые всё хотят узнать от нас и во всём нам хотят очень сильно помочь. Давай лучше разберёмся сами, где купить билеты в оперный театр.

Но билетов мы тогда так и не купили. Просто театр был в этот год на ремонте.

И вот, по приезде на автовокзал в Бристоле, меня чёрт дёрнул обратиться к этим двум женщинам. Я вежливо спросил их:

– Дамы, вы не знаете, как мне пройти на остановку такси?

Я получил тот же самый ответ:

– А что вам надо на этой остановке такси?

Я был так ошарашен тем, что тут так чётко была проведена связующая линия между Одессой и Бристолем, которая крепкими узами братства связала два этих города навеки. У меня слов даже не хватило. Я говорю им:

– Вообще-то я хочу взять такси, чтобы доехать до Авенмауса.

– А!.. Такси... Послушайте! – дамы уже обращались ко всему автобусу, – он не знает, где лучше взять такси! Что может быть проще в этом городе. Вам просто надо завернуть за угол, и там будет остановка такси.

Англичане люди более скромные, чем одесситы, гвалта в автобусе не получилось, но сразу с помощью ко мне обратилось ещё три человека и парень, который сидел рядом со мной. Он снял наушники, и они стали вшестером объяснять мне, как мне повернуть за угол, как там выйти на соседнюю улицу, потом там ещё раз свернуть налево – и там будут стоять такси. Подойти к первому из такси, которые стоят в очереди, и что надо сказать этому таксисту, чтобы он отвёз меня по назначению. Я поблагодарил всех своих советчиков и с облегчением вздохнул, когда наконец-таки покинул автобус.

Следуя четким указаниям шестерых доброжелательных англичан, я прошёл к остановке такси. Там и правда стояло несколько машин. Я подошёл к первой машине, сказал таксисту, как мне и советовали доброжелатели, куда мне надо ехать.

А те попутчики в автобусе поняли сразу, что я иностранец и мне трудно будет сориентироваться в чужом городе. Поэтому, наверное, они мне так подробно и доходчиво всё объясняли. Но тогда мне показалось, что говорили они не со мной, а скорее между собой. Когда эти две женщины разговаривали между собой, то они тарахтели так, что из пяти слов можно было понять едва одно. А тут они разговаривали со мной медленно, доходчиво, и я понял все их слова. Потом я так же медленно попросил шофёра довезти меня до Авенмауса. Он поинтересовался, чем я буду платить. Я говорю:

– Наличкой, но мне нужен чек.

– Хорошо, поехали.

Таксист услужливо открыл дверь, уложил мой багаж в багажник, и мы поехали в Авенмаус. Времени это заняло не больше тридцати минут, может быть, чуть больше. Когда такси подъехало к проходной порта, то полицейские в красивых высоких шапках сделали отмашку, открыли шлагбаум, и на такси мы въехали в порт.

Это тоже интересно, потому что в наш порт на такси просто так не въедешь. Для этого нужно специальное разрешение, в которое вписывается номер паспорта. К тому же надо было ещё заплатить деньги в кассе, чтобы въехать в порт, взять пропуск и показать его охраннику на проходной. Процедура длилась бы минут пятнадцать-двадцать минимум, если не было очереди на проходной в кассу, где записываешься на получение пропуска.

А тут полицейский просто махнул рукой, и таксист въехал в порт. Мы объехали почти всю бухту. Как потом оказалось, это был огромный док, который запирался специальными воротами, чтобы уровень воды в доке не зависел от колебания приливно-отливных течений. Наконец-то подъехали к доку, в котором стояла моя «Кристина». Когда я впервые увидел её сбоку, то оказалось, что это был небольшой пароходик на два трюма, метров сто длиной, с небольшой надстройкой на корме. «Кристина» стояла у контейнерного терминала.

Таксист подъехал к контейнерному терминалу, но не смог подъехать к судну: терминал был огорожен колючей проволокой. Он объехал терминал с другой стороны – и там не смог въехать в него. Там тоже была колючая проволока. Тогда я прекратил стремления таксиста помочь мне добраться до судна:

– Да ладно, я вдоль причальной линии пройду к судну, спасибо, что довез.

Таксист выписал мне чек. Всё. Мы попрощались, а таксист на прощанье даже дал мне свою визитную карточку.

Я прошёл вдоль колючей проволоки, идущей рядом с причальной линией, и двинулся к судну. Подойдя к судну, я увидел спущенный трап. Только подошёл к трапу – господи боже мой! У трапа на вахте стоит Марио. Он на предыдущем моём судне был матросом. Я говорю:

– Привет, Марио, что ты тут делаешь?

– Да вот, сегодня утром с Филиппин прилетел.

Так вот почему Питер Борчес что-то мямлил во время нашего последнего разговора! Ведь знал же он, что Марио уже назначен на это судно. Но промолчал. Как же быть с Лёшкой тогда? Что же это Питер обманул меня? Подвёл. Что же будет с назначением сына? Проглотив эту обиду, я спросил у Марио, где капитан и где стармех.

– Стармех в машине, он готовит её к отходу, потому что позвонил агент и предупредил, что ты скоро приедешь. Сейчас мы будем отходить, капитан тебя уже ждёт на мостике. Я покажу тебе каюту, в которой ты будешь жить, а сейчас поднимайся на мостик к капитану.

Он подхватил мой чемодан и занёс его в каюту. Каютка была на палубу выше. До неё вёл трап в пять ступенек. Каютка была малюсенькая. В неё можно было протиснуться только

боком. Кровать и диванчик, на котором во весь рост не ляжешь. Я поставил чемодан и портфель на него и пошёл на мостик. Ещё пара таких же трапов наверх – и уже мостик.

Когда я вошёл на мостик, то навстречу мне вышел крепкий, высокий бородатый мужчина ростом, наверное, больше, чем метр девяносто. На вид лет шестидесяти. Борода с проседью. Он на хорошем английском поприветствовал меня и попросил, чтобы я принёс ему все свои морские документы. Я вновь спустился вниз, открыл портфель и достал все документы, которые были нужны. Вернувшись на мостик, я передал их капитану. Тот поинтересовался, как я доехал, устал я или нет. Ну и рассказал мне перспективы работы на ближайшие дни.

А сегодня у нас как раз было 24 декабря. Завтра будет Крисмас. Сегодня последний рабочий день во всём католическом мире. Капитан грустно пошутил:

– Ну а мы отходим. Нам надо работать.

Он снял копии с моих документов и передал данные обо мне в порт-контроль. Когда всё было оформлено, я спросил его:

– А стармех где? Как бы мне с ним встретиться и поговорить?

– Он в машинном отделении. Он уже готовит машину, мы сейчас будем отходить, – капитан был уже озадачен своими проблемами.

А мне предстояло встретиться тут с другими.

Я, конечно, был расстроен. У меня последняя зарплата была 3200, а тут из-за того, что якобы Питер пошёл мне навстречу и пообещал мне взять сына на одно судно, мне назначили зарплату в 2850. Тогда я, скрипя зубами, сказал в агентстве:

– Хорошо, я пойду на эту зарплату, но только чтобы со мной был мной сын.

А в итоге и Лёшки со мной нет, и зарплата 2850, и контракт шесть месяцев, вместо четырёх, как прежде.

Ну что делать? Работать всё равно придётся, контракт ведь подписан. Всё! Уже поздно кукарекать.

Я спустился в каюту, переоделся в комбинезон. Спустился ещё на палубу ниже – там стоял повар. Почему повар? Да потому что он был в белом халате, переднике и белой шапочке. Он приветствовал меня на русском языке. Но с каким-то твёрдым акцентом. Оказалось, что он болгарин и зовут его Кразимир. Он меня сразу спросил:

– Кушать хочешь?

– Да пока нет.

– Ну, если захочешь – всё найдёшь в холодильнике, – он указал на дверь небольшого камбуза.

– Хорошо, Кразимир, спасибо, но сейчас я пойду в машину. А куда идти-то?

– А вот сюда и иди. Иди вниз – не ошибёшься. Тут негде блуждать. Сам всё увидишь.

Я спустился на пару трапов вниз, открыл дверь и вошёл в помещение, ярко освещённое флуоресцентными лампами. Это и было ЦПУ с пультом управления. Но никого в нём не было. Стол с открытым машинным журналом, какой-то непонятный стульчик и открытая дверь в машинное отделение, из которого нёсся шум работающих дизелей. Двигатель ещё не запускался, а шум от вспомогательных дизелей был довольно-таки ощутим даже здесь.

Я, закрыв за собой дверь в ЦПУ, спустился ещё ниже. Смотрю, там ходит какой-то мужик с небольшой бородкой, лет на десять старше меня. Как потом оказалось, ему было 58, а мне в то время – 48. Но ничего необычного в его виде не было. Механик как механик, одетый в немного испачканный, но выстиранный синий комбинезон.

Он посмотрел на меня исподлобья и продолжил заниматься прежними делами, как будто меня здесь вообще не было. Он закачивал балласт в танки и тут же параллельно готовил к отходу машину.

Закончив очередную манипуляцию, он протянул мне руку. Немного напрягая голос, чтобы его было лучше слышно, он прокричал:

– Збышек.

Я в ответ пожал его широкую ладонь, наклонился к его уху, защищенному наушниками, и тоже крикнул:

– Алексей.

А так как он работал, то руки у него были в перчатках, а у меня – нет. Поэтому я пожал его руку за запястье. Он вновь наклонился к моему уху:

– Пойди в ЦПУ, там в ящике стола возьми перчатки. А потом приходи сюда, и я тебе буду показывать, как готовить машину к отходу, – всё это он прокричал по-русски, почти без акцента.

Я быстро сгонял в ЦПУ, где взял перчатки, и мы с ним продолжили готовить машину к отходу.

А машина-то, господи... слова доброго не стоит. До крышек можно было достать рукой. Как дизель-генератор с предыдущего моего балкера «Фредерике Зельмер».

Там главным двигателем был шестицилиндровый здоровущий дизель «MAN», у которого поршень был диаметром 900 миллиметров, и высотой этот «MAN» был в три с половиной этажа жилого дома. Когда мы в Китае дёргали из него втулки, то китаец, который залез туда обмерять втулку, не смог оттуда вылезти без посторонней помощи. Ему приходилось туда спускаться специальный трапик.

Эта втулка могла стать хорошей тюрьмой тому, кто бы попал туда. Там можно было и умереть, если тебя там забудут, потому что из этой втулки просто так не вылезешь. Она была 90 сантиметров в диаметре, и у неё были отполированные до зеркального блеска поверхности. В дополнение ко всему и высота этой втулки была три с половиной метра.

А тут двигатель... Одно название что главный двигатель. Я смотрел на него с недоумением.

Ну – обычный восьмицилиндровый дизель-генератор.

Вспомнилось, что ещё Питер Борчес допытывался у меня по телефону: «Ты когда-нибудь работал на „МАКах“? Ой, это такой двигатель! Он такой сложный! Ты сможешь с ними работать?» А сейчас я смотрел на этот дизелёк – господи боже мой!.. Смех и грех – главный двигатель.

Я перед отъездом на судно просмотрел историю этих «МАКов». На наших подводных лодках стояли точно такие же дизеля, только содранные у немцев и сделанные русскими специалистами на балтийских заводах. Так что этот дизель был мне знаком от пяток до макушки и от передней панели до маховика, и проблем с этим дизелем у меня не должно было возникнуть.

После того, как мы подготовили главный двигатель к пуску, прокрутили его на воздухе и топливе и передали управление на мостик, только тогда мы поднялись в ЦПУ, где уже не надо было кричать друг другу на ухо.

Поляк вновь представился, уже сняв с рук перчатки:

– Збышек. Сейчас мы с тобой посмотрим, как двигатель запускается с мостика, и тогда уже поговорим обо всём.

Двигатель работал на винт регулируемого шага, и поэтому он после запуска работал постоянно при одних и тех же оборотах. Штурман же с мостика только регулировал разворот лопастей, чтобы придать судну передний или задний ход.

Для меня это тоже не было новостью, потому что на «Бурханове» у меня был такой же винт. Ничего сложного в его эксплуатации не было. И для меня это не было открытием.

Меня больше всего удивляло только одно, что в машинном отделении я буду – один.

На палубе были три матроса и боцман. В кают-компании – только повар. Один старший механик в машине и капитан со старпомом на мостике. И всё – это был весь наш экипаж.

На предыдущем судне у меня было три вахтенных моториста, три вахтенных механика и два электромеханика. Электрик и два токаря-сварщика. Народу было достаточно. Но там и работы было много на этом трёхэтажном дизеле, да и на всем этом судне. Настолько оно было запущено. А тут я был только один. Вот это меня больше всего и озадачивало. Хотя все работы – токарные, слесарные, сварочные – я мог делать сам без проблем. Жизнь научила.

После запуска и проверки главного дизеля в работе мы сели со Збышекком и просмотрели все параметры работающего дизеля. Я надел наушники, обошел машину и ещё раз всё осмотрел, чтобы лучше усвоить полученную только что информацию.

Ну что машина? Спустился по трапу вниз, и всё – ты уже на нижних плитах у главного дизеля. По трапу поднялся – и ты снова уже в ЦПУ. Только было ещё и соседнее машинное отделение. Там стояли два дизель-генератора. В настоящее время они работали. Я заглянул в третье отделение – там была тишина. Разобранный дизель-генератор лежал вверх ногами.

После обхода Збышек и рассказал мне, как он обнаружил неисправность в этом дизель-генераторе и заказал все необходимые запчасти. Они сейчас уже получены. И нам с ним вместе, в течение этого трёхсуточного рейса, а идем мы сейчас в Голландию на ремонт, потому что масло вытекает из дейдвуда, предстоит этот дизель собрать, поставить «на ноги» и запустить. И на всё это нам даётся только три дня. Столько же времени займёт и переход. И вот уже тогда Збышек уедет на Новый год домой, а я продолжу здесь работать в гордом одиночестве.

Так что в Голландии нам предстоит стать в док, где должны будут устранить утечку масла из дейдвуда. До 30-го числа судно должно будет простоять в этом голландском доке и произвести все запланированные ремонты. А 31-го числа будет отход из Голландии обратно в Англию, чтобы 3-го января вновь стать под погрузку в Авенмаусе.

После отхода от причала пришлось ещё шесть часов сидеть в ЦПУ, обеспечивая безопасный проход в док, из дока и вдоль всего Бристольского залива. До выхода из всех зон разделения в свободные воды. Только тогда от капитана с мостика поступил приказ:

– Останавливать вспомогательные дизеля. Вводить главный двигатель в ходовой режим.

Збышек показал мне, как всё это делается. И только тогда мы уже вдвоём вышли из машинного отделения. Было далеко за полночь.

Я спросил у Збышека, где же мне можно помыться, а он показал пальцем на дверь за углом и говорит:

– Вон там есть душ. Иди и мойся. У меня в каюте есть свой. А когда будешь стармехом вместо меня, то и будешь в нём мыться, а сейчас я в своем душе буду мыться только сам.

Я помылся в душе, который был за углом.

На кровати лежала брошенная простынь и подушка с наволочкой. Одеяло я нашёл в небольшом шкафчике, прикрепленном над кроватью. Чемодан мой никак не помещался в этой миниатюрной каюте. Я просто бросил его на диван, лёг на кровать и уснул.

Через несколько дней мы и в самом деле пришли в Роттердам и встали в док.

Нельсон долго со мной путешествовал. Он перебивал со мной почти на всех моих судах. И всегда в трудную минуту он подбадривал меня своей улыбкой. А иногда, в особые тяжёлые моменты, он мне дружески подмигивал, стараясь поддержать меня и придать мне силы для преодоления трудностей в жизни судового механика.

Он до сих пор всё время находится со мной. Правда, его место обитания сейчас не каюта моего очередного судна, а всего лишь шкафчик с моей парфюмерией.

Каждое утро я открываю этот шкафчик, чтобы взять оттуда одеколон и протереть им лицо после бритья.

Открывая шкафчик, я всегда говорю своему старому другу:

– Привет, Нельсон.

А он задорно мне подмигивает и желает мне удачи на весь сегодняшний день. Я закрываю шкафчик, оставляя там Нельсона, а сам, подбодрённый его улыбкой, иду заниматься своими делами.

«Lady Bella»

Настроение было паршивое. Я метался по судну. После ужина пошёл на бак, на вечернюю прогулку. Разделся, попытался сделать зарядку. Но ничего не получалось. Движения были вялыми, мысли витали совсем в другом измерении. Легкий освежающий ветерок и лучи заходящего солнца настроения не исправили.

Судно, потихоньку переваливаясь с борта на борт, шло по дуге большого круга на северо-восток. Сейчас оно шло резвее, и дым из трубы не валил, как прежде.

Конечно, столько труда пришлось приложить, чтобы довести этот двигатель до ума. Попередёргали все поршни, заменили все форсунки. Руки до сих пор ещё не отмылись. И уже десятый день, как топаем на Перу.

Да, уже десять дней, как я попрощался с Инночкой. А как будто это было вчера.

Ещё в глазах стоит её появление в каюте. Хотя я очень её ждал...

За месяц предупредил капитана, этого «филиппинского царька», что моя жена придет на судно. Он же «замылил» мой рапорт. Пришлось звонить из Манилы и из Джанзягана в офис. Вести переписку с Питером Борчесом, слать телексы. И всё это под ироничным взглядом филиппинского капитана. А когда пришли в Гонконг, то Пол Хьюсбомер с Аспиналем, мои хозяева, сделали невинные глаза:

– Чиф, где же твоя жена, почему её ещё до сих пор нет на судне?

Ну что им было сказать?

– В Тяньцзинь приедет, – только и хватило буркнуть в ответ.

Переход в четыре дня до Тяньцзиня были вечностью. Но вот мы уже и у причала. Скидываю робу, моюсь, стараясь смыть пот и грязь. Ведь сегодня уже пришлось изрядно поработать.

Кондиционер, как назло, полетел. Короче, сломался ещё перед Гонконгом. И теперь на судне была жара. Находиться в надстройке было невозможно. Она была раскалена. Попытка спать являлась просто пыткой. В поту можно было просто утонуть, если представить себе, что днём надстройка раскаляется до сорока градусов.

Пол Хьюсбомер в Гонконге привёз «новый» – б/у, – но японский кондиционер, после ремонта. На новый компрессор кондиционера у фирмы просто не было денег.

Эти последние четыре дня, до захода в Тяньцзинь, мы только и занимались тем, что со сварщиком Серёгой и парой филиппков тянули этот компрессор наверх, на третью палубу. Вручную, талями. Изготавливали и устанавливали новые трубы и тянули новые провода к ящику для автоматики. Только вот соленоидов и термостатов с TRV не было. Пол обещал привезти их в Тяньцзинь. А как прожить эти дни, в начале июля, без кондиционера? Тоска!!! Филиппки – и те ходят смурные. Им тоже жарко. А я спал под двумя вентиляторами. Но и то весь потный, в липких простынях. Удовольствие небольшое.

А сейчас, помывшись, я вышел на причал. Агент сказал, что Инночку привезут к часу дня. Но я уже дефилировал по причалу полтора часа, а её всё нет и нет.

Понятно... Китайская точность. Как назло, приехал шипчандлер. Пришлось идти с ним в каюту. Попутно зову своего верного Фернандо.

Как третий механик, он, конечно, хорош, но рвётся во вторые, сметая всё на ходу. Вадик – это мой новый второй механик, недавно прибывший из Одессы, – ещё и месяца не отработал. Долго что-то он осваивается.

А я был полностью уверен, что Фернандо примет всё снабжение и все филиппки у него будут бегать как заведённые, перетаскивая его по кладовкам. Только я сел за стол с шипчандлером, как раздался стук в дверь.

– Заходи, – кричу по-английски.

В щель просовывается какая-то китайская рожа. Ну, думаю, помощник шипчандлера. И, не обращая внимания, листаю дальше накладные. Фернандо стоит, склонившись над мной. Но вдруг почему-то распрямился, и в каюте наступила какая-то натянутая тишина.

Дверь распахнулась, и... бог ты мой! На пороге каюты стоит она.

Та, которую я так ждал, та, к встрече с которой я так тщательно готовился. Та женщина, которая столь часто снилась мне долгими ночами. И вот теперь...

Нет! Это не сон! Теперь это она! На самом деле – она!

В длинных шортах, лёгкой блузке под тельняшку, только полоски намного крупнее. Каштановые волосы небрежно раскинуты по плечам, и чтобы из них не получился костёр искр, их украшала немыслимо хорошенькая шляпка из соломки. Глаза удивлённо распахнуты, губы застыли в вопросе: «Вот она Я, а ты меня опять не встречаешь!»

Стул отлетает с треском, шипчандлер оттолкнут локтем. Я вскакиваю и делаю такие лёгкие, несущие меня к моему счастью, шаги.

И – вот она в моих объятьях.

Вот опять я слышу аромат её волос, и её прерывистое дыхание прерываю поцелуем. Фернандо от такой картины захлопал в ладоши:

– Молодец, чиф, – и, подхватив накладные и попутно шипчандлера с его помощниками, закрывает дверь.

– Я всё сделаю, чиф, – говорит он уже из-за полуприкрытой двери.

А я заглядываю в мои зелёные озёра. Но в них буря возмущения, радости, восторга от всего пережитого, что только что произошло.

– Почему ты тут, а не там? – показывает она пальцем вниз.

Не успеваю ответить. Открывается дверь – и какая-то слащавая китайская рожа вносит Инночкины вещи. За ним ещё пара таких же прищуренных рож.

Это они привезли моё сокровище, и с ними мне надо рассчитаться.

Они встретили Инночку в Пекине, отвезли в Тяньцзинь, поселили в гостинице (за её же счёт), потом привезли сюда, на судно. И за всё про всё – двести долларов.

Хотя билет на самолет от Владивостока до Пекина стоил те же двести долларов. Но торговаться не было ни сил, ни желания. Хотя цену можно было бы сбить и вдвое. Подписываю им бумаги, не глядя в них, лишь бы эти рожи исчезли подальше от нас. Достаю деньги из кошелька, вручаю их первому же китайцу и закрываю за ним дверь.

Но даже и после их ухода уединиться не удаётся. Каюта не закрывается. Успеваю только спросить Инночку о полёте, дороге, гостинице.

Рабочий день. Что поделаешь.

Судно пришло, и если ты что-то заказал, то сделай всё сразу и сейчас же. Вентиляторы месят горячий и влажный воздух. Народу в каюте не уменьшается.

Инночка ушла в спальню. Но разделаться со всеми желающими удаётся только к вечеру. Открываю потихоньку дверь спальни и заглядываю в щёлку. Вентилятор гонит на неё воздух, шевеля раскинутые по подушке волосы.

Она лежит, закрыв глаза, под простынёй. Но только дверь приоткрылась чуть больше положенного, глаза, мои глубочайшие озёра, открываются. И она, как будто и не спала, встречает меня вновь тем же грудным голосом:

– Что? Уже все ушли? И ты уже полностью свободен?

Её голос... Сколько раз за последние месяцы я его слышал по телефону. А теперь вот он, рядом. И ничего не разделяет нас и не мешает нам. Моё хрупкое создание. Как же я истосковался по тебе.

Но на сегодня это ещё не всё.

Не надо расслабляться старшему механику. Опять раздался стук в дверь.

Это снова прибыла пара китайцев. О! Они привезли из Шанхая долгожданные запчасти для кондиционера.

Зову Вадика. Тот приходит в каюту недовольный. Причина его недовольства мне прекрасно понятна. Я ущемил его права второго механика, поручив Фернандо приёмку снабжения.

Но настроение его улучшается, когда я даю ему 50 юаней и прошу купить пива. Он моментом преображается. Понимает, что не всё так просто. Нужен Серёга.

Серёга был из Владивостока. Последние три месяца я только с ним и мог говорить по-русски, пока не приехал Вадик. Хотя он меня тогда полностью понимал и был полностью моей опорой, когда мы дёргали поршни и меняли форсунки. Я даже научил его искусству притирки игл в форсунках. Когда Пол Хьюсбомер узнал об этом, то чуть ли не прыгал от счастья, что таким образом он сможет сэкономить на обслуживании судна.

Серёга был согласен на всё. Хотя сейчас ставить ТРВ с соленоидами. Сам он тоже устал от жары, царившей в каютах. Значит, к утру всё будет готово. А утром я заправлю этот чёртов кондишн фреоном, и мы будем жить по-человечески, в прохладе.

Вскоре и Вадик появляется. Инночка достаёт селёдку. Она привезла её из Владивостока, чёрный хлеб (тоже из дома!). Боже! Хотя и жара, но стаканчик холодного пивка с селёдкой уничтожает все неудобства.

Вадик приносит гитару и своим несильным голосом поёт песни своего собственного сочинения.

Вадик – поэт. Любит свою жену. Тоже по имени Инна. Сильно скучает по ней – и в период особого упадка жизненных сил пишет песни. Все они про любовь, разлуку, море, которое отделяет нас от наших семей и любимых.

Пару раз заходит Серёга за советом. Пиво он не пьёт. Вообще ничего не пьёт. Пришёл на судно, чтобы заработать, вот и работает.

Но вечер заканчивается. Что опять готовит нам завтрашний день? Хорошего я уже отвык ждать. Опять поломки, опять неблагоприятная работа механика на судне. Но сейчас со мной она, моя любовь. С Вадиком остаются лишь только его песни.

Вечер заканчивается. Тихо. Мы вдвоём. Как хорошо, что в жизни бывают и такие прекрасные моменты.

Их было очень и очень много за неделю стоянки в Тяньцзине. Хотя пришлось доделать кондиционер, дёрнуть три поршня на главном двигателе, но вечера были наши. Это и прогулки по ночному Китаю, и поездки на пляж и за город, и, естественно, шопинг. А куда же без него. Но самое главное – мы были вместе. Ничего не торопило нас, ничего не разделяло нас. Я чувствовал любимое моё тепло. Правда, пару раз просыпался ночью в страхе. Где она? А когда видел в свете ночника любимое лицо и слышал её безмятежное дыхание, то, успокоенный, опять засыпал рядом.

Вместо филиппинского царька пришёл новый капитан – англичанин.

Кэптин Брэдли. Шестидесятилетний бритиш покорил Инночку своей вежливостью и обходительностью. В Даляне он пригласил нас в китайский ресторан. А в Инчхоне мы его позвали в русский. Хотя я и был загружен работой по горло, но кэптин Брэдли разрешил мне днём с Инночкой несколько раз съездить в город и отдохнуть. Тут уж Вадик отвертеться не мог. В эти периоды вся работа наваливалась на него. Но это только возвышало его как 2-го механика, и он был не против этого, чтобы закрепить свой авторитет.

А хронометр так и отсчитывал, так и отсчитывал минуты до нашего расставания.

Из Инчхона мы снимались на Перу. И я иногда ловил в Инночкиных глазах затаённую тоску. Один раз она не выдержала и расплакалась:

– Опять я буду одна!

Ну что я мог возразить на такое? Где найти слова успокоения? Ведь до Перу месяц, там месяц и назад месяц. Только тогда уж можно будет списаться с судна. А это будет только начало ноября. И никто с ней не будет на пляже, и никто с ней не сходит в осенний лес, и никто ей не подарит букет цветов, только что сорванных на таёжных лугах, и не закричит:

– Мамусь, смотри, какой гриб!

Опять одной до поздней осени. А там зима, холод.

– Зато, мамусь, на зиму у тебя будет грелка во весь рост, и ты не будешь мёрзнуть, – пытался шутить я.

– Только-то и остаётся, – сквозь слёзы смеётся она.

Кэптин Брэдли разрешил мне проводить Инночку.

На следующий день планировался отход. А сегодня ей надо ехать в отель. Завтра утром у неё самолёт, а все таможенные дела надо оформить обязательно сегодня. Как хорошо, что ещё один вечер мы проведём вместе! И вечер этот оказался просто замечательным.

Парк Вальмидо блистал огнями, гремел музыкой, а мы были вместе. Ничто нам не мешало быть вместе. Нам и не по семнадцать лет, но всё равно... Мы ходили за ручку, любовались вечерним морем и звёздами, говорили только о своём, и мои руки и губы чувствовали только тепло моей любимой женщины. А какими сегодня были по-особенному яркими звёзды!

Лёгкий вечерний ветерок гнал дневную духоту. Но мы были только вдвоём. Никого не было рядом. И это была не Корея. Это была просто планета Земля, и на ней нас было только двое.

Даже в «Золотом петушке» мы специально выбрали уголок подальше, чтобы подвыпившие русские моряки не мешали нам быть вдвоём. Я написал на стене фломастером: «Сегодня ты ещё со мной, а завтра будешь далеко, и никакие расстояния не помешают нам быть вместе. Всегда только твой. Механик Макаров».

В тихом ночном Инчхоне ничто не помешало нам дойти до отеля. Цветы на клумбах и деревья излучали свои ароматы в тёплую летнюю ночь. Последнюю ночь перед долгой разлукой.

Смешной кореец Мэйсон Пак рано утром подъехал к гостинице. На улице чувствовалась утренняя прохлада, а в руках у меня были совсем ледяные Инночкины ручки. Я их целовал и старался согреть.

Мэйсон нервничал в машине. Ему надо было успеть в аэропорт в Сеуле. А я не хотел отпускать от себя свою половиночку. Но она крепилась. Только одна слезиночка выкатилась из её озёр, когда я на прощанье поцеловал столь родное мне лицо. Я её выпил, как каплю бальзама, который должен подкрепить меня на оставшиеся три месяца.

Посадил в машину и закрыл за ней дверь. Мэйсон ударил по газам, и только сквозь заднее стекло машины на меня смотрели опечаленные Инночкины глаза. Она махала мне на прощанье рукой до тех пор, пока машина не скрылась за дальним поворотом.

Всё! Опять я один. Опять судно, опять море. И только через месяц я услышу её далёкий голос, а это будет только в Кальеао.

Поэтому и настроение было такое поганое. И ничего я с собой не мог поделаться после отхода. Я опять метался по судну. По несколько раз в день ходил в машину. Заставлял себя заниматься делами. Но все валилось из рук. Я всё ещё был в мыслях с Инночкой. Я всё ещё переживал в душе наше последнее расставание.

Вот и сегодня я под вечер спустился в машину. Там Вадик достаивал вахту. В грохоте машинного отделения он только улыбался мне, а когда я подошёл к нему, то он прокричал мне в наушник что-то ободряющее. «Вечером», – только одно понял я и утвердительно кивнул головой.

Потом я зачем-то полез в кладовку, подкрепил приспособления, понадежнее закрыл дверцы шкафов, подвязал канистры с химией, чтобы их не раскидало, если вдруг ночью усилятся качка.

Я просто не знал, куда себя приткнуть, что бы ещё сделать, чтобы эта раздирающая душу тоска куда-нибудь делась. В каюте не сиделось. Я вышел на палубу. Там тёплый ветерок и темнота ночи меня немного охладили и успокоили.

На корме, на левом борту под тентом, филиппки пили пиво. Было воскресенье. Что-то орал магнитофон. Туда меня не тянуло.

Я поднялся на пеленгаторную палубу. Над головой ярко светили звёзды. Стараясь найти знакомые созвездия, я начал успокаиваться. Вот так же и тогда, в Инчхоне, я показывал Инночке эти созвездия. Может быть, и она сейчас на них смотрит. Значит, тогда наши взгляды встречаются.

– Я смотрю на эти звёзды – и вижу твои глаза, родная. Только ты на них тоже посмотри, – сам себе говорил я.

Вроде немного отлегло на душе.

«Пойду к Вадиду. Он уже помылся после вахты, – я взглянул на часы, циферблат которых светился в темноте ночи. – Чего это он звал меня?» – само собой подумалось мне.

– — Владимирьч! Ты где бродишь? Я уже всё приготовил. День рождения у Инночки, – при моём появлении выпалил Вадик.

– На Альдебаране, – пробурчал я в ответ. – Но у неё же он был уже...

– Да не у твоей, у моей. Я и песню новую написал, – Вадик был весел, разговорчив. Его хандра уже прошла.

«Хорошо, что не вместе у нас крыша едет», – подумалось мне.

А стол был уставлен всем, на что только Вадик мог догадаться. Вернее, какие вкусности были в артелке. Но запасённая из Кореи бутылочка потела, подпёртая с боку тарелкой с овощами. Картошечка с поджаренным лучком испускала ароматы.

– Ну ты и молодец! – непроизвольно вырвалось у меня. – Принимай мои поздравления и быстрее зови к столу.

Вадик сиял. После третьей стопочки, основательно подкрепившись, он взял гитару и, многозначительно глянув на меня, произнёс:

– Ну, Инночка, принимай подарок.

Песня пробрала до глубины души.

То ли сегодня был такой уж некультяпистый день, то ли сказались три пропущенные стопки, но меня пробило на слезу. Вадик почувствовал, что песня пришлась мне по душе, и начал петь другую, потом ещё и ещё, и там его уже было не остановить. У меня опять защемило душу. Что-то опять кольнуло в сердце. Вадик куда-то отошёл на второй план, и я опять остался со своими мыслями.

Но, сделав усилие, я тряхнул головой, стараясь выкинуть эту дурь из головы, и предложил Вадику:

– Ещё по одной, только уже за нас с тобой.

Вадика не надо было заставлять. Но вскоре он глянул на часы:

– Владимирыч, перед вахтой и поспать бы надо...

– Конечно, какой разговор. Работа есть работа, – я тоже посмотрел на часы.

Потом помог Вадику убрать со стола и поплёлся опять к себе. Туда, где всё напоминало о присутствии той неземной половинки, которой судьба одарила меня. Долго ворочался. Пришлось взять второе одеяло. Кондиционер дул на совесть. В каюте было даже прохладно.

Будильник, как всегда, требовательно звенел, но вставать не хотелось. Еле оторвав тяжёлую голову от подушки, я заставил себя встать. Долго выпускал ржавую воду из крана. Утром её давали только на один час. До Перу надо было дотянуть на запасе воды, который мы набрали в Корее.

«Проклятый испаритель. Чисти его, не чисти, воды так и нет», – заводя себя с утра, я никак не мог отделаться от вчерашней хандры. Опять что-то тянуло душу. Что-то свербело в мозгу. Даже душ не улучшил настроения. Он был до мерзости тёплым, а вода еле-еле лилась из крана.

Так я и спустился в кают-компанию злой и недовольный.

Кэптин Брэдли уже пил чай и дымил своей вонючей сигаретой. Он улыбался и что-то весело говорил. Но разговор не получался.

Опять сейчас идти в машину, в эту жару. Опять потеть. Да ну всё это к чёрту! Ничего не хочу. Всё осточертело. Морду бы кому-нибудь набить, что ли? Как бы разрядиться?

Вадик сидел в кладовке и что-то пытался втолковать электрику Бармеджо. Я подошёл и понял, что надо. Вадик хотел сменить термостат на топливной цистерне и пытался выбрать из десятка новых термостатов нужный. Я ткнул пальцем в тот, который подходил. Бармеджо с улыбкой поблагодарил меня и испарился.

– Что, Владимирыч, может, допьем, что осталось? – заговорщицки предложил Вадик.

– Да ну его в баню. И так, наверное, давление подскочило, – недовольно отмахнулся я от него.

Вадик в ответ только улыбнулся, а я поковылял к себе в каюту, чтобы переодеться в робу.

Но этого страшно не хотелось делать. Как представлю себе, что опять шум, пот... Нет! Не хочу.

«Ну что с того станет, что я после обеда пойду в эту чёртову машину? – пытался я сам себя уговорить. – Что от этого изменится? Всё равно ещё до Перу три недели».

Внутренний голос победил. Я взял банку пива, включил музыку Клаудермана и завалялся в угол дивана.

«На этом месте тогда любила сидеть Инночка», – произвольно пронеслась мысль.

Я потряс головой, стараясь отогнать тревожащие думы.

Пиво и спокойная музыка делали своё дело. Тепло постепенно становилось мягким, мысли начали путаться, и я поплыл в сон...

«Алика» блестела свежей краской. Её глянцевого борта отражали лучи утреннего солнца и гладь голубого океана. Мотобот, тарахтя, отвалил от её борта и взял курс на «Леди Беллу».

Та, бедная, сильно просев на корму и чернея обгоревшей надстройкой, стояла в полумиле. Кое-где дымок ещё шёл из пустых глазниц иллюминаторов. Машины, стоявшие на палубе, ещё работали и мигали подфарниками. Вчера, покидая её борт, кэптин Брэдли приказал завести их, чтобы обозначить место сгоревшего судна.

Мотобот ткнулся в борт у спущенного штурмтрапа.

Мерная, небольшая зыбь то поднимала, то опускала его. Вадик первый взобрался на палубу и подал руку капитану, взбирающемуся за ним.

Все разговоры как-то поутихли сами собой. Только шум моторов работающих машин нарушал тишину.

Подошли к надстройке. На палубе валялись обгоревшие пожарные шланги и огнетушители. Филиппки остались сзади. Только капитан и Вадик обошли её. Заглянули в погрузочный люк на корме.

Вода, покрытая слоем мазута, зловеще плескалась внизу. Сердце Вадика сжалось. Ощущение не из приятных, когда смотришь на чёрную поверхность мертвой воды, затопившей столь тщательно вылизанное и любимое машинное отделение.

Всё! Машина затоплена. Пароход, значит, мёртв.

Палубой выше, по левому борту, остались целыми навес и скамейки, где ещё вчера сидели филиппки и пили пиво. А с правого борта всё выгорело.

Палуба была вздута. Цемент, покрывавший её, потрескался и волнами повторял обводы покорёженного железа.

– Если сможешь, сфотографируй, что там осталось на верхних палубах, – попросил капитан Вадика.

Вадик осторожно, проверяя каждую ступеньку наружного трапа, начал подниматься вверх.

«Да, неслабо поработал Бармеджо, – с укором себе думал он. – Ну что стоило показать ему, как вытащить термоэлемент из стакана этого чёртового датчика? А он же, зараза, ни в чём не сознаётся. Весь в топливе, ошпаренный, испуганный. В расходной-то было семьдесят тонн, не меньше. И „струйка“ прямиком шла на выхлопной коллектор главного двигателя. Потому и сгорели за десять минут. Ох, что-то будет потом? Чем всё это закончится?»

В выгоревшую входную дверь надстройки он увидел иллюминатор своей каюты. Ни одной переборки. От бывших кают не осталось ничего. Только железные борта, в которых зияли глазницы пустых иллюминаторов. Он только и делал, что щёлкал затвором фотоаппарата.

Выше, на капитанской палубе, с правого борта, всё было также выжжено. Вадик с содроганием сердца начал приближаться к двери левого борта. Там была каюта деда.

Из проёма сгоревшей двери шёл ещё обжигающий смрад сгоревшей изоляции и пластика, от чего першило в горле, перехватывало дыхание и непроизвольно возникал кашель. Приблизиться к проёму двери было нельзя никак. Но, насколько это было возможно, Вадик попытался подойти к ней и заглянуть внутрь. Стёкла иллюминаторов, на удивление, остались целы. От холодильника остался лишь каркас. И вдруг! Под угловым иллюминатором, там, где был диван, там, где любил полёживать дед, там, где, ещё недавно, сидела его жена, была груда пепла и сгоревших обломков с подволока. Но что-то резануло по глазам Вадика, да так, что сердце чуть не выпрыгнуло из груди. На него смотрел своими пустыми глазницами чёрный череп. Обгоревший череп, сбоку приваленный какой-то золой. Бог ты мой! Неужели это всё, что осталось от Владимировича? Что теперь сказать его жене? Ведь это и только это осталось от него...

Механик Макаров подскочил от ужаса на койке. Неловко дёрнул обожжённой ногой. Боль пронзила его до мозга. Сдержав стон, он осторожно попытался положить ногу удобнее. Но она ныла, и что-то в районе пальцев нестерпимо жгло. Выпив пару глотков воды из кувшина, стоявшего на крепежах переборки, он глянул со своей лазаретной гравитационной койки в ноги. Там, на раскладушках, мирно посапывали Вадик и Серёга.

«Алика», слегка вибрируя корпусом от работы главного двигателя, мерно переваливаясь с борта на борт, шла своим курсом. Через пять дней – Япония. А там, глядишь, и через недельку домой.

Всё-таки он будет дома не в ноябре, а в августе. Он сходит с женой в осенний лес, они искупаются в море, он соберёт самый лучший букет полевых цветов. И, прикрыв ей глаза ладонями, спросит:

– Мамусь, а что ты сейчас хочешь от своего заплутавшего счастья?

И он вновь будет слышать её радостный смех. А вот вчера услышал её слёзы. Зачем он позвонил домой?

Хотелось сказать, что не в ноябре, а через пару недель он будет дома. Но женская реакция непредсказуема. В ответ были только слёзы и тревога:

– Ты живой, ты здоровый, ты не обожжён, цел?

И, несмотря на все увещевания, он не смог ни в чём её убедить.

– Ты меня всегда обманываешь. Я знаю, ты такой. Даже сейчас ты меня обманул.

Ну что сказать ещё? Ну, сделал ещё одну ошибку. Надо было звонить перед вылетом из Японии домой. Кэптин Брэдли так и сделает.

Убаюкивая, качается «Алика». Боль в ноге немного поутихла, и он стал опять засыпать...

Будильник радостно возвестил, что новый день уже пришёл. Яркое утреннее солнце уже заглядывало в иллюминатор спальни. Небо было без единой тучки. Бирюзово-синий океан катил свои валы зыби, и «Леди Белла» отвечала ему лёгким покачиванием. Слегка дрожа корпусом, она шла на северо-восток.

Я прислушался, различая работу цилиндров главного двигателя. Они, где-то внизу, отвечали равномерными басовито-мягкими ударами. Хорошо! Не зря поработали на стоянке. Теперь на месяц точно гарантирована надёжная работа моего «Зульцера». А там – придём в порт, вскроем, посмотрим...

Осталось всего-то двадцать дней до Кальяо. А там, в порту, я знаю, где есть телефон. Сразу позвоню Инночке. Ведь целый месяц я не буду её слышать. Наша «старушка» не имеет телефона. Хозяин сэкономил. Установил только телекс. Жаль, что не слышу её голоса. А так бы хотелось перекинуться парой слов.

Кран фыркал жёлтой водой. Побystрее её спустив, я вымылся под душем, побрился и в свежем летнем костюме спустился в кают-компанию.

Кэптин Брэдли уже курил свою ароматную сигарету. Перекинувшись с ним парой фраз о хорошей погоде, о его отличной сигарете, о том, что осталось только двадцать дней перехода, я вместе с ним вышел из кают-компании.

Вадик что-то копался в кладовке. В дверях маячил Бармеджо.

– Владимирыч, какой из этих термостатов ему дать? – как всегда, с миллион первым вопросом вместо приветствия, встретил он меня.

– РТ 107. У нас же он полетел, – удивившись непониманию Вадика, я выбрал из ящика нужный термостат.

Бармеджо, получив его, сразу же испарился. Что-то напевая себе под нос, я быстро поднялся в каюту и переоделся в комбинезон.

Машина встретила меня своим жарким дыханием, воздухом горячего железа и нагретого масла.

На крышках всё было в норме, турбина свистела, как и положено ей на этих оборотах. Четвёртый механик Бакаланко уже принял вахту и, улыбаясь, приветствовал меня взмахом руки и лёгким поклоном.

Механики за ночь в журнале ничего лишнего не написали.

Валентино, электромеханик, что-то уже колдовал у распределителя. Я вспомнил, что вчера я ему дал задание почистить контактор насоса пресной воды.

Внизу Фортич с Бангсалом начали красить борт. С виду они сосредоточены, в наушниках, не спеша, делают свою работу. Впереди ещё двадцать дней. Эту работу, по их понятиям, надо было сделать качественно, т.е. протянуть подольше. Они, весело скалясь, макали катки в бадью. Бангсал уже успел мазнуть Фортича по спине катком. Он вечно что-нибудь чудит. Но Фортич не обижается. Он говорит, что без шутки за год контракта у любого крыша съедет. И он в этом был прав.

У выхода из машины повар Ромио вытаскивал продукты из рефкамер. Вернее, вытаскивали два стюарда, а он, как начальник, руководил ими. Я перекинулся с ним парой слов и прошёл в рулевую, из неё – в углекислотную станцию. В ней стояли рефкомпрессоры.

Всё сегодня было замечательно. Незаметно за всем обходом пролетели два часа.

Смотрю, Фортич с Бангсалом уже стали подниматься по трапу. Что-то к себе в каюту пробежал Вадик, потом, уже по другому трапу, он спустился вниз.

Кофе-тайм. Святое дело. Я тоже последовал примеру подчинённых и поднялся к себе в каюту. Ополоснулся из ведра заранее запасённой водой. Переоделся в свежую футболку и шорты. Надел тапочки на босу ногу. Это у филиппков в норме: никаких носков. И со стаканом ароматного чая, принесённого стюардом, сел за стол.

Что-то Пол сегодня прислал? Капитан уже положил свежий телекс мне на стол. Вечно Полу что-то надо. Сидит себе в Гонконге и от безделья только бумажки шлёт. Ну ничего, отпишемся, не впервой.

Неожиданно наступила тишина. Прекратилась вибрация, не слышно работы главного двигателя. Замолчал только что включённый магнитофон. Вот это новости!

Что там Бакаланко натворил? Срываюсь с кресла, открываю дверь – и чуть ли не сбиваю Вадика с ног.

– Владимирьч! Горим! – запыхавшись, выкрикивает он.

Трап вниз, к станции быстрозапорных клапанов топливных танков. Третий механик их уже закрывает.

Хорошо! Налево, и по коридору вниз. Дым уже плотной завесой приклеился к подволоку. Стальная неизолированная переборка в машину пучится раскалённой краской. Отскочивший от лопнувшего пузыря кусок краски бьёт по щеке и левой руке. Не ощущая боли, стряхиваю их. Мчусь дальше, вниз, ко входу в машинное отделение.

Самодельная деревянная дверь приоткрывается – и из неё на четвереньках вылезает Бакаланко. Его выворачивает. Он кашляет. Внизу от чёрного дыма – чернота. Дым едкими клубами заполняет этот маленький коридорчик перед рулевой. Такого чернющего дыма я ещё не видел никогда в своей жизни. Всё! К углекислотной станции не пройти! В коридорах темнота. Вспомогачи встали. Света нет.

– Вадик! Бегом на правый борт, к пульту СО2! Открывай газ в машину! Я – на кап. Его надо закрыть, – кричу я Вадиду.

Он бежал следом за мной и стоял за спиной. Услышав мой приказ, он только утвердительно кивнул головой и скрылся за углом.

Мчусь наверх по наружным трапам. У капа уже стоит Серёга. Он пытается подойти и отдать трос быстрого закрытия капа. Но вырывающиеся из капа клубы чёрного дыма с пламенем не дают этого сделать. Всё! Бесполезно! Сгорели! Как бы не было взрыва топлива. Переборки цистерн дизельного топлива, выходящие в МКО, не изолированы. А в них семьдесят тонн. Только в расходной цистерне – пять тонн газойля.

У наружной двери с палубы к моей каюте замок испортился уже неделю назад, и она была закрыта на защёлку изнутри. Поэтому с палубы её не откроешь.

Пронеслась мысль, что надо хотя бы взять жилет из каюты. Но уже было не до этого.

Серёгина каюта находится рядом, у входа в надстройку по правому борту. Он ныряет в неё. Дым в коридоре опустился уже до пояса. Вокруг темно и черно. Глубоко вдыхаю, нагибаюсь как можно ниже и бегу по коридору. Надо пробежать прямо восемь метров, потом налево за углом – трап наверх, и в метре от него – дверь моей каюты. В ней, может быть, ещё нет дыма. Добегаю до трапа, дым ест глаза, ничего не видно, темнота.

«А если и там наверху дым? – пронесится мысль. – Добежать назад дыхания не хватит... Да чёрт с ним, с жилетом», – разворачиваюсь назад и выбегаю на палубу. Глубоко вдыхаю свежий воздух.

Да! Если бы побежал за документами, которые были в каюте, дыхания бы не хватило.

Ветер сносит дым с пламенем на правый борт. К шлюпке и плотам правого борта уже не подойти. Они горят. На главной палубе есть ещё один плот. Серёга выбегает из двери своей каюты с жилетом, ящиком лапши и одеялом.

– Только и успел взять, – возбуждённо блестя глазами, орёт он.

– На главную палубу! Там плот! Давай его скидывать! – кричу ему.

Вадик выбегает из коридора:

– Какая-то падла открыла дверь из машины, и весь коридор в огне и дыму! Не смог я добраться до ящика дистанционки, – в бешенстве орёт он.

– Давай плот скидывать. Сейчас может топливо взорваться. Большая температура в машине, – тоже ору ему.

Рядом стоит филиппок и плачет, умоляюще протягивая ко мне руки:

– CO2. CO2. Чиф, включи, пожалуйста, CO2.

– Да пошёл ты на фуй со своей CO2, – это я проорал по-русски. – Где твоё место? – а это, уже спокойнее, произнёс по-английски.

– У шлюпки, – автоматически ответил он.

– Так иди и помогай её спускать, – вновь ору я на него, видя, как остальные филиппки с капитаном во главе, все в жилетах, с вещами, начинают спускать шлюпку.

А мы втроём кидаемся к плоту. Но не тут-то было.

Инспектор в Гонконге заставил капитана перевязать узел вытяжного троса на прессостате вместе с его слабым звеном. И сейчас плот было невозможно сдвинуть с места.

Он был ещё привязан к тому же капроновым кончиком к леерам. Узел не поддавался. Ну не грызть же его зубами! Лихорадочно ищу что-нибудь железное. Вон! Кусок шпильки от крышки? Как я его давно хотел выкинуть за борт! Но всё руки не доходили. Теперь наше спасение здесь! Хватаю эту шпильку и луплю по этому треклятому кончику. Быстро перебиваю узел, крепящий плот к леерам, распутываем плот от паутины веревок и кидаем его за борт. Он смачно плюхается в зеркальную гладь воды. Линь держит его за судно, и плот начинает раскрываться.

Слава богу! Один есть. Хочу погладить крест на шее. Но я же его снял, когда мылся! Вот невезуха! Он же остался в каюте.

Вадик с Серёгой уже бегут к другим плотам на левом борту. Я, кинув ещё последний взгляд на раскрывающийся плот, устремляюсь к ним.

Дикая боль обжигает правую ногу. Это струя кипятка из разорвавшегося пожарного шланга бьёт меня. Непроизвольно из глотки вырывается душераздирающий крик боли...

Механик Макаров подскакивает на койке и хватается за свою ногу.

– Что, Владимирыч, опять кошмары донимают? – участливо спрашивает Вадик. – Сейчас сходим на завтрак, потом возьму бинты. Сделаем тебе перевязочку, не волнуйся. До Японии пять денёчков осталось-то. А там и доктора рядом. Не переживай. Хотя и меня они донимают чуть ли не каждую ночь.

– Не говори, Вадя. И мне всякая хренотень по ночам жить не даёт, – как всегда спокойно говорит проснувшийся Серёга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.